

СТАНОВЛЕНИЕ ОПРИЧНОГО ПОРЯДКА

Название «опричина» происходит от слова «опричь» — кроме. Используя эту этимологию, Курбский называл опричников «кромешниками», то есть людьми, причастными к аду — царству «кромешной тьмы». В Древней Руси опричиной назывался удел, выделявшийся вдове умершего князя после раздела его владений — все достояние князя переходило к его сыновьям «опричь» (кроме) того, что выделялось вдове в пожизненное владение.

Опричина Ивана IV и представляла собой такой удел, который государь выделил для себя из всей территории государства. Земли, не вошедшие в состав этого удела — опричнины, получили название «земщины». В указе перечислялись те города и волости в разных частях страны и слободы и улицы Москвы, которые царь включил в свою опричину. Тем же документом предусматривалось, что если царю «доходу не достанет на его государьский обиход», то он может «иные городы и волости имати». Так как доходы требовались немалые, то неудивительно, что в состав особого государства Ивана IV были включены все районы, богатые солью, что давало в руки опричной администрации обильные средства обложения одной из наиболее прибыльных отраслей русской средневековой торговли. Для управления этой территорией государь создавал особый двор со своей особой Боярской думой и своими приказными людьми. В опричнине создавалось и свое особое войско («а учинити государю у себя в опричнине князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых — 1000 голов»). Это войско в случае необходимости ходило в походы во главе со своими особыми воеводами, не смешиваясь с земским войском.

Своеобразной неофициальной столицей этого особого государства стала Александрова слобода, превращенная в крепость и окруженная заставами, которые не мог миновать ни один человек, направлявшийся в Слободу или выезжавший из нее.

Остальной территорией государства (земщиной) должна была по-прежнему управлять Боярская дума. Но несмотря на произведенный раздел, решение всех важных вопросов, касающихся этой территории и всего государства в целом, продолжало оставаться в руках царя

(«а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делах приходит к государю»).

Зачем царю понадобился такой раздел государства на две части? Сопоставление царского указа со свидетельствами иностранцев позволяет дать ответ на этот вопрос. Указ предусматривал, что те дворяне и дети боярские, которых царь возьмет в свое опричное войско, получают от него поместья в тех уездах, которые царь включил в состав своего опричного государства (соответственно, они должны были оставить свои поместья в других частях страны). Одновременно местные землевладельцы (и владельцы «условных владений» — помещики, и владельцы родовой наследственной собственности — вотчинники) должны были переселиться в другие районы страны («а вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городах»).

В подобных мерах для русской политики середины XVI века не было чего-то принципиально нового. Принудительный «вывод» землевладельцев, политическая лояльность которых вызывала опасения, использовался русской государственной властью неоднократно. Так, в 80-х годах XV века, когда бояре только что присоединенного Новгорода были заподозрены в тайных сношениях с польским королем и великим князем Литовским Казимиром, их лишили огромных родовых вотчин и переселили в другие районы государства, главным образом на восточные окраины. Здесь они получили новые земли, но уже как условные владения — «поместья», причем размер этих поместий не шел ни в какое сравнение с размером отобранных у них родовых наследственных владений. Когда после русско-литовских войн рубежа XV—XVI веков значительная часть Смоленщины вошла в состав Русского государства, крупные местные землевладельцы также были перемещены во внутренние районы государства. В составе «государева двора» первой половины XVI века они образовали целый слой так называемой «дворовой Литвы». Массовое выселение местных бояр произошло и после присоединения Пскова в 1510 году. Отобранные владения местных князей и бояр раздавались как поместья нуждавшимся в земле младшим отпрыскам московских дворянских семей.

Новое в политике Ивана IV состояло в том, что теперь не землевладельцы недавно присоединенных окраин, а дворянство центра России, длительное время являвшееся традиционной опорой власти московских государей, стало объектом такой политики. Так как царь специально оговорил свое право включать в состав своего удела любую территорию, какую он сочтет нужным, то одним из главных результатов произведенного переворота и одной из характерных черт опричного режима стало то, что ни один сын боярский, не причисленный к особому двору и не вошедший в особое войско го-

сударя, не мог рассчитывать на сохранение своей родовой собственности.

Таким образом, главной отличительной чертой опричнины можно считать то, что раздел территории государства на две части сопровождался и четким разделением на две части всего дворянского сословия.

О том, как это размежевание происходило на практике, сохранился яркий рассказ Таубе и Крузе. На следующий день после возвращения в столицу царь «приказал выписать в Москву всех военных людей областей Суздаля, Вязьмы и Можайска» — то есть тех областей, которые по царскому указу должны были войти в состав опричнины. Когда они приехали в Москву, царь «приказал каждому отдельному отряду воинов... явиться к нему и спрашивал у каждого его род и происхождение. Четверо из каждой области должны были показать после особого допроса происхождение рода этих людей, рода их жен и указать также, с какими боярами или князьями они вели дружбу. После того как он осведомился об этом, взял он к себе тех, против кого у него не было подозрений и кто не был дружен со знатными родами». Аналогичным образом производился и подбор хозяйственного персонала для разных служб царского дворца. В царском архиве, как важный документ, хранились «сыски родства ключников и хлебников и помясов и всяких дворовых людей».

Таким образом, для службы в опричнине отбирались только те дети боярские, кто сумел засвидетельствовать государю свою преданность и не имел каких-либо связей с вызвавшими недовольство Ивана IV знатными вельможами.

Взятые в опричнину дети боярские приносили царю особую присягу на верность, в которой среди прочего говорилось: «Я клянусь также не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ничего общего». Это свидетельство Таубе и Крузе существенно пополняют сообщения еще одного немца — Генриха Штадена. Сын вестфальского бюргера, учившийся в церковной школе, но из-за беспокойного нрава не сумевший стать пастором, на что рассчитывали его родственники, он пробовал счастья то как слуга, то как управляющий и наконец стал наемным солдатом, предложив свои услуги русским властям. В конце концов Штаден получил имения, был принят в опричнину, в течение нескольких лет обогащался всеми возможными способами и, улучив благоприятный момент, бежал из России с накопленным имуществом. На страницах своих «Записок» Штаден выступает как жестокий и циничный человек, озабоченный только своим обогащением. Все это заставляет его усердно изучать «теневую сторону» жизни русского общества в эти годы, а так как успехи, достигнутые благодаря этим познаниям, вызывали у него чувство гордости за свою ловкость и умение, то он много и охотно писал о том, как он расправлялся с возможными конкурентами и использовал

сложившуюся обстановку для своего обогащения. О его «Записках» не раз будет идти речь в дальнейшем, при описании жизни русского общества в годы опричнины.

По свидетельству Штадена, «согласно присяге опричники не должны были ни говорить с земскими, ни сочетаться с ними браком. А если у опричника были в земщине отец или мать, он не смел никогда их навещать». За соблюдением установленных запретов строго следили, а за их нарушение виновного могло постигнуть самое суровое наказание. Говоря в своих «Записках» о запрете опричникам разговаривать с земскими, тот же Штаден отметил: «Часто бывало, что ежели найдут двух таких в разговорах, убивали обоих». Все это свидетельствует о сознательном намерении царя углубить размежевание между двумя частями дворянства. Опричники носили особую черную одежду, так что отличались от остальных дворян даже своим внешним видом.

Взятые в опричнину дети боярские обладали целым рядом прав, которых не имело дворянство, оставшееся на «земских» землях. Так, если при переселениях земские люди утрачивали вотчины и поместья в опричных уездах, то опричники сохраняли за собой вотчины, расположенные в земских уездах. Таубе и Крузе отмечали, что уже при первом переселении в 1565 году «дети боярские, изгнанные из опричнины, не могли взять с собой даже движимое имущество из своих имений», в то время как опричники могли увезти все, что пожелают.

Общим бедствием, вызванным нехваткой обработанной земли для наделения ею всех служилых людей, в середине XVI века было несоответствие между нормой поместного оклада служилого человека и его реальным владением. В опричнине царь щедро наделял земель своих слуг. Как отмечают те же Таубе и Крузе, «если опричник происходил из простого рода и не имел ни пяди земли, то великий князь давал ему тотчас же 100—200 или 50—60 и больше гаков земли». Соответственно и денежное жалованье за службу должно было выплачиваться опричникам без задержки. Не случайно «за подъем» царь наложил на земщину побор — 100 тысяч рублей. Наконец, по свидетельству Таубе и Крузе, владения опричников были освобождены от уплаты ряда налогов и «от конной службы», под которой, очевидно, следует понимать обязанность землевладельцев высылать своих крестьян на ямы — почтовые станции для перевозки гонцов с государственными поручениями. Все сказанное выше позволяет сделать однозначный вывод: суть нового режима, установившегося в России с начала 1565 года, состояла в создании особого, подчиненного только царю двора и особого дворянского войска, которое было наделено особыми правами и привилегиями, размещено на особых, выделенных для этого землях и с помощью самых разных мер отделено незримой, но прочной стеной от всего остального дворянства страны.

В своих сочинениях Иван IV ни разу не затронул вопрос о том, как, под воздействием каких факторов он принял решение о проведении подобной реформы и какие цели преследовал при ее осуществлении. Поэтому приходится обращаться к кругу более или менее правдоподобных гипотез.

Некоторые обстоятельства, впрочем, достаточно очевидны и неоднократно отмечались исследователями. Обвинения членов «государева двора» в «изменах», отраженные на страницах официальной летописи, ясно показывают, что царь перестал доверять тому «государеву двору», который традиционно был опорой власти московских государей. Когда царь попытался в предшествующие годы наложить по своему усмотрению наказания на неугодных вельмож, он столкнулся с противодействием всей правящей элиты, которая оказалась скомпрометированной в его глазах. Отсюда желание царя отделиться от старого двора, создав свой особый двор, где царь мог бы окружить себя людьми, в преданности которых он был уверен. Этот особый двор и особое опричное войско должны были стать опорой царя в его борьбе с изменниками. Не случайно по свидетельству Таубе и Крузе, которое подтверждается и данными других источников, опричники носили «собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначало, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны». Все это, безусловно, правильно, если речь идет о субъективных мотивах, определявших намерения, а затем и действия царя. Но имелись и объективные факторы.

Вести борьбу с изменниками царь, разумеется, не мог сам, один. Проводя свою политику, он был заинтересован в том, чтобы обеспечить этой политике массовую поддержку. Теоретически царь мог поступить так, как неоднократно делали боровшиеся со знатью правители, предоставив новые права и привилегии средним и низшим слоям дворянского сословия. Это, однако, привело бы к явному уменьшению объема его власти, а этого царь, конечно, не желал. Попытка царя создать себе группу преданных людей в составе Думы, взяв с них особые присяги на верность, оказалась безуспешной. В Первом послании Курбскому царь с горечью писал, что его советники «крестное целование преступивше, не токмо не отсташа от тех изменников, но и болши начаша им помогати и всячески промышляти, дабы их на первый чин возвратить». Это и понятно, так как присяга на верность сама по себе не могла нарушить общность интересов представителей правящей элиты.

В этих условиях единственным способом обеспечить себе такую поддержку оказывалась попытка расколоть формирующееся дворянское сословие. Части этого сословия царь предоставил особый привилегированный статус за счет умаления прав и привилегий всего остального дворянства. Несомненно, с точки зрения интересов царя

это было продуманным и правильным решением. Привилегированный статус дворян, взятых в опричнину, приводил к возникновению противоречий между интересами опричников и интересами всего остального дворянства. Обязанные своим возвышением власти монарха опричники тем самым оказывались заинтересованы в сохранении и укреплении этой власти. По-видимому, именно обещание этих новых прав и привилегий и привлекло на сторону царя сопровождавшее его в Слободу дворянское войско. Вряд ли такая попытка царя могла привести к успеху, если бы в России к середине XVI века сложилось единое дворянское сословие с четким сознанием общности своих сословных интересов. Тогда действия царя, наверное, встретили бы отпор со стороны тех, кому царь предлагал блага и милости за счет интересов их собратьев по сословию. Однако в России середины XVI века дворянское сословие находилось еще в стадии формирования, сознание общности сословных интересов только вырабатывалось, между отдельными локальными группами и разными слоями дворянства существовали многочисленные противоречия, чем и воспользовался царь для проведения своей политики.

Успеху политики царя способствовало и существование такого института, как местничество. Традиционная практика предоставления думных чинов и высоких военных и административных должностей в строгом соответствии со знатностью происхождения («породой») делало высшие государственные должности монополией группы наиболее знатных родов потомков Рюрика и Гедимины, породнившихся с царским домом. Это закрывало для отпрысков младших ветвей знатных родов и для представителей менее знатных старомосковских боярских фамилий (потомков старинных бояр московских князей, отодвинутых на задний план княжескими родами) путь к успешной карьере. Создание особого опричного двора открывало для них такие возможности.

В исторической литературе, в особенности в XIX — начале XX века, были распространены представления, что, вступив в борьбу со знатью, царь специально возвышал людей «худородных», низкого происхождения. Такое представление складывалось в значительной мере под воздействием ряда высказываний Таубе и Крузе, а отчасти и Штадена. Таубе и Крузе в разных местах своего послания писали об опричниках, что это были те, «кто были привычны ходить за плугом и вдобавок не имели ни полушки в кошельке; нищие и косолапые мужики», те, кто ранее были «слугами» казненных царем «господ». О том, что новые господа в опричнине были холопами прежних господ, также писал и Штаден.

Однако исследователи справедливо отмечали, что все известные данные об опричниках, занимавших в опричном дворе сколько-нибудь видное положение, говорят об ином: всех этих людей царь взял в свой двор из состава старого «государева двора» и к низам дворян-

ского сословия они никак не принадлежали. Да и сам Штаден сообщал, «что князья и бояре, взятые в опричнину, распределялись по ступеням (in gradus) не по богатству, а по породе (nach Geburt)».

Элемент истины в высказываниях иноземцев, как представляется, был. Борясь с изменой, опричные власти поощряли доносы боярских слуг на своих господ. Согласно сообщению Штадена, если кто-либо из боярских слуг являлся к одной из застав, окружавших Александрову слободу, и заявлял: «У меня есть дело господарское», его «тотчас доставляли от заставы в Слободу в приказ, и всему, что бы он ни говорил о своем господине, давали веру». Не исключено, что такие слуги, засвидетельствовавшие свою верность царю, могли получить часть владений прежних господ и даже быть принятыми в опричнину, но никакой значительной роли в опричном дворе они не играли и в окружение царя не входили.

Новый опричный двор по своей структуре и по своей иерархической организации во всем воспроизводил порядки старого «государева двора», а место того или иного сына боярского на иерархической лестнице определялось традиционными правилами. Принципиальное новшество состояло в том, что царь не пожелал взять в опричнину наиболее знатные княжеские и боярские роды, и поэтому открылся доступ к высоким должностям в опричном дворе для людей, которые при обычном положении вещей могли бы претендовать лишь на вторые роли. К тому же в сложившемся положении именно лица, служившие в опричном дворе, пользовались наибольшей близостью к государю и могли оказывать решающее влияние на положение дел в государстве. Именно поэтому часть политической элиты вместе с частью чинов двора стала на сторону царя во время политического кризиса рубежа 1564—1565 годов. В состав опричной Думы вошли члены старомосковских боярских родов — Плещеевы, Колычевы, Бутурлины и другие. В их числе не оказалось царских родственников — Захарьиных. Они, очевидно, принадлежали к числу тех советников, чье поведение в начале 60-х годов XVI века разочаровало царя.

Во главе опричной Думы Иван IV поставил брата царицы — Михаила Темрюковича. Своему шурина царь пожаловал в удел город Гороховец. Позднее вспоминали, что в годы опричнины Михаил был «человек великий и временной, управы было на него добиться не мочно». Однако царь не давал шурина ответственных государственных поручений, и можно думать, что его роль была скорее почетной. Наиболее влиятельным лицом в опричной Думе в первые годы опричнины был, конечно, ближайший советник царя Алексей Данилович Басманов, ставший, по существу, первым человеком в государстве после царя. Кроме Алексея Басманова и его сына Федора, ставшего царским кравчим, особенно близким к царю лицом в первые годы опричнины был князь Афанасий Иванович Вяземский. Читателям романа Алексея Толстого «Князь Серебряный» Вязем-

ский должен был запомниться как пример родовитого аристократа, пренебрегшего интересами своей касты и «вписавшегося» в опричнину ради карьеры. Этот пример, может быть, лучше, чем другие, показывает, как плохо представляли себе в XIX веке историю русского дворянства. Когда-то князья Вяземские были действительно владельцами крупных родовых вотчин на Смоленщине, в состав которых входил и сам город Вязьма. Однако, когда восточная часть Смоленщины в конце XV века вошла в состав Русского государства, князья Вяземские утратили родовые вотчины и вместе с другими местными землевладельцами были переселены на восточную окраину государства и получили поместья на Волге в Костромском и Романовском уездах. В составе «государева двора» князья Вяземские занимали невысокое положение. Когда в 1550 году из состава двора была выбрана тысяча лучших слуг для наделения их поместьями под Москвой, в их состав попал лишь один представитель этого рода. В «Разрядных книгах» до наступления опричнины князь Афанасий также не упоминается — очевидно, он не получал назначений ни воеводой в полк, ни наместником какого-либо города. Таубе и Крузе упоминают Афанасия Вяземского среди людей, сопровождавших царя в Слободу. Об особой близости Вяземского к царю говорит свидетельство Шлихтинга, что только из его рук Иван Васильевич принимал лекарства. Позднее, после возвращения царя в Москву, в начале 1565 года, Вяземский вместе с Алексеем Басмановым проводил «перебор» детей боярских из Суздаля, Вязьмы и Можайска. В следующем 1566 году он участвовал в важных переговорах с литовцами как царский оружничий, окольный и наместник Вологды. На этом примере ясно видно, какие возможности открывались в опричнине для карьеры сына боярского, не принадлежавшего к элите «государева двора».

Завершая характеристику некоторых наиболее важных черт нового порядка, следует остановиться на мерах, предпринятых царем для обеспечения своей безопасности и для укрепления своей власти. Как отметил Генрих Штаден, Мария Темрюковна «подала великому князю совет, чтобы отобрал он из всего народа 500 стрелков и щедро пожаловал их одеждой и деньгами, чтобы повседневно и днем, и ночью они ездили за ним и охраняли его». Перед нами еще одно свидетельство того, что вторая жена царя активно участвовала в его делах. Царь принял ее совет во внимание. Описывая в другом месте своих «Записок» особый двор, построенный для царя в Москве, Штаден отметил, что на нем постоянно «держали караул 500 стрелков». Во время походов на Казань в 1549—1550 годах была проведена важная военная реформа. Если до этого пехоту, вооруженную огнестрельным оружием, в случае войны набирали по разверстке из среды городского населения — торговцев и ремесленников, то теперь было создано специальное стрелецкое войско, которое должно было по-

стоянно нести военную службу, за что ему было определено ежегодное денежное жалование. Трехтысячный отряд стрельцов был поселен в Воробьевской слободе под Москвой. Очевидно, из числа этих стрельцов, после соответствующего «сыска родства» и подобных мер избирались 500 человек, которые несли постоянную охрану царской особы.

Для понимания характера опричнины как явления не только политической, но и идейной жизни русского общества следует коснуться отношений царя с его ближайшим опричным окружением. Эти отношения были столь своеобразными, что произвели очень сильное впечатление на ливонских дворян Таубе и Крузе, которые внесли в свое «Послание» обширный материал, проливающий свет на эту сторону дела.

По их наблюдениям, во главе опричного государства стояло «особое братство из трехсот молодых людей». Главой «братства» — игуменом был сам царь, келарем — князь Афанасий Вяземский, пономарем — дворовый сын боярский из города Белой Григорий Лукьянович Бельский, вошедший позднее в русскую историю под своим «мирским» именем Малюта. Названия «игумен» и «келарь» говорят о том, что по своей внешней организации «братство» уподоблялось объединению монахов общежитийной обители. Об этом же свидетельствует и образ жизни, избранный членами «братства». Они носили «грубые нищенские или монашеские верхние одеяния на овечьем меху» и «длинные черные монашеские посохи». Уже ранним утром, в 4 часа, «братья» должны были присутствовать на службе в церкви. Царь сам созывал на нее «братьев» звоном колоколов «вместе с обоими сыновьями и пономарем». (Таковы были обстоятельства, при которых состоялось близкое знакомство царя со своим в будущем ближайшим сподвижником.) На отсутствующих налагалась восьмидневная епитимья. На службе, продолжавшейся с 4 до 7 часов утра, царь сам пел «вместе со своими братьями и попами». После часового перерыва служба продолжалась до 10 часов. Затем наступало время трапезы, во время которой «царь по должности настоятеля во все время обеда стоя читает им назидательные книги». Не съеденная за трапезой пища раздавалась нищим. После вечерней трапезы в 9 часов царь некоторое время отдыхал (также, очевидно, и другие члены «братства»), а в 12 часов снова появлялся «в колокольне и в церкви со всеми своими братьями» для совершения ночной службы. Сохранились переписанные в конце 60-х годов XVI века в Александровой слободе «повелением» Ивана Васильевича рукописи служебных миней, по которым члены «братства» совершали службы, а также рукописи четых миней, по которым царь-настоятель читал своим «братьям» во время трапезы.

Хотя Таубе и Крузе лишь частично описали порядок дня, по которому жили «братство» и его глава царь-игумен, очевидно сходст-

во этого распорядка с распорядком жизни общежитийного монастыря.

Сходство, разумеется, было лишь частичным. На трапезах подавалась обильная пища с вином и медом, монашеские посохи были снабжены острыми железными наконечниками, под грубыми монашескими рясами опричники носили богатые одежды на меху, шитые золотом, и длинные ножи, о назначении которых речь пойдет в следующей главе книги. Однако желание царя в каких-то существенных чертах уподобить жизнь своего окружения жизни монашеской обители не вызывает сомнений.

Какие же цели он при этом преследовал? Подчас созданное царем «братство», имея, по-видимому, в виду известную склонность царя к насмешкам, называют пародией на монастырь. В каком-то смысле «братство» действительно оказалось на практике крайне далеко от своего образца, но вряд ли это соответствовало первоначальному замыслу. Создание «братства» было, несомненно, итогом напряженных размышлений царя над тем, как устроить отношения с новой, специально подобранной элитой власти, чтобы не возникали столкновения и конфликты, столь характерные для его отношений с прежней элитой. Царь с юношеских лет во время своих путешествий проводил много времени в наиболее известных и прославленных русских обителях — Троице-Сергиевом, Кирилловом, Иосифо-Волоколамском монастырях, где мог внимательно наблюдать за укладом и распорядком монастырской жизни, за тем, как складываются в этих условиях отношения монахов с их главой-настоятелем. Анализ написанного царем в начале 70-х годов XVI века послания братии Кирилло-Белозерского монастыря показывает, что царь внимательно изучал уставы, определявшие правила монастырской жизни, целый ряд из них он прямо цитировал в своем тексте.

По-видимому, в устройстве общежитийного монастыря, в котором никто из монахов не имел своего имущества, где все жили по единым правилам, определявшим весь распорядок жизни днем и ночью, подчиняясь воле единого главы — настоятеля, царь усматривал нечто вроде идеальной модели организации общества. Следуя ей, монахи становились послушными, дисциплинированными исполнителями воли вышестоящего. В перенесении многих черт этой модели в распорядок жизни своего окружения царь видел наиболее верный путь к тому, как превратить собственных приближенных в покорных дисциплинированных исполнителей своей воли.

Была и другая важная причина для этой попытки имитировать в светской жизни черты монастырского устройства. Царь считал себя не только правителем, но и учителем и наставником своих подданных не только в мирских делах, но и в делах веры. «Тшу же ся со усердием люди на истинну и на свет наставити, да познают единого истинного Бога в Троице славимаго от Бога данного им

государя», — писал он в послании Курбскому. Создание «братства» в представлении царя позволяло сделать постоянным объектом такого воспитания все его ближайшее окружение. Прошедшие такое воспитание должны были стать достойными помощниками Ивана IV в осуществлении им миссии, возложенной на него самим Богом, — укреплении веры и власти в Российском царстве, опоре мирового православия.

Не все характерные черты распорядка дня царя и его окружения можно объяснить, исходя из этих общих, несомненно, наиболее важных для царя соображений. Разумеется, долгие и частые церковные службы (в том числе и ночные) были важнейшей частью монастырского распорядка (а следовательно, «братства», этому распорядку следовавшего), однако никакой устав не предписывал царю-игумену, например, самому звонить в колокола, созывая братьев-опричников на ночную службу. Здесь находили свое отражение другие черты личности Ивана IV — его глубокая привязанность к церковной музыке и пению.

Серьезные интересы царя ко всему, что связано с церковным пением, определились довольно рано. Уже на Стоглавом соборе 1551 года царь обращал внимание собравшихся на различия в совершении богослужения в московских храмах, с одной стороны, и в храмах Пскова и Новгорода — с другой. В Москве в торжественные моменты вечернего и утреннего праздничного богослужения при торжественных входах духовенства гимны «Свете тихий» и великое славословие «речью говорили», в то время как в Новгороде и Пскове, как заметил сам царь, «святые славы поют и славословие поют же». Заботу о надлежащем устройстве богослужения царь проявлял до самого конца жизни. В Уставе Московского Успенского собора отмечено, что в «7092-м», то есть в 1583/84 году — Иван IV «приговорил... месяца ноября в 27 день пети Знамению пречистыя Богородицы единой». По инициативе царя новгородская практика пения праздничных гимнов была распространена и на московские храмы. Именно с его желанием перенести на московскую почву новгородские новшества, по-видимому, было связано приглашение в царский певческий хор Федора Крестьянина и Ивана Носа, учеников новгородского мастера пения Саввы Рогова. В XVII веке помнили, что эти выдающиеся мастера работали для царя «в любимом его селе, в слободе Александрове». Здесь Иван Нос «триоди распел и изъяснил». Царь сам охотно пел со своими певчими. В рассказе об освящении главного храма в Никитском Переяславском монастыре читаем: «На заутрени первую статью сам благочестивый царь чел и божественныя литургия слушал и крестным пением со своею станицею. Сам же государь пел на заутрени и на литургии».

Наконец, в составе «Стихираря» первой половины XVII века, принадлежавшего головщику (главе хора) Троице-Сергиева монас-

тыря старцу Лонгину, сохранились и собственные сочинения Ивана IV для хорового пения. (Над ними в рукописи заголовки — «Творение Иоанна деспота российского», «Творение царево».) Это — стихиры на праздник преставления митрополита Петра и на праздник Сретения иконы Владимирской Божьей Матери*. Исследователи отмечают мажорные, радостные интонации этих произведений, прославляющих одного из патронов Москвы и московской митрополичьей кафедры и чудесное вмешательство Божьей Матери, некогда оградившей Московское княжество от нашествия войск Тимура. Вероятно, эти стихиры создавались в 50-е годы в обстановке подъема, связанного с победами над мусульманскими царствами.

По своей эмоциональной интонации от них заметно отличается «Канон Ангелу Грозному воеводе», созданный, очевидно, в более поздние годы. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев убедительно показал, что автор канона, укрывшийся под именем «Парфения уродивого», в действительности является царем Иваном IV.

Архангел Михаил, главный персонаж канона, неоднократно упоминается на страницах прозаических сочинений царя как невидимый предводитель русского православного воинства в его борьбе с силами, враждебными православию. В каноне архангел Михаил выступает в иной ипостаси, как «страшный» и «грозный» «творитель воли Господней и совершитель заповедей его», который является людям как вестник смерти, разлучающий души с телом. Он «смертию нас назирает и от суеты мира избавляет и на суд... Христу представляет». Никто из людей не может избежать встречи с ним («ни стара отриши, ни млада отступиши»), никто и ничто не может отклонить архангела от исполнения предначертаний Бога («несть сильнее тебя и крепчайшие во брани... и пряма во исправлении»). Но «смертоносный ангел» не только неуклонно исполняет веления Бога, он врачует души, очищая от грешных страстей, и чистыми и непорочными приводит их к Божьему престолу. («Измени нас добротою здания твоего и приведи нас к свету светлейшего судии», «не устраши мою душу убогую, исполнену злосмрадия, и очисти и представи ко престолу Божию непорочну» — так обращается создатель канона к предводителю небесных сил.)

Как представляется, в образе архангела, созданном на страницах канона, царь изображал как бы идеальный образ себя самого — неутомимого исполнителя миссии, возложенной на него Богом, миссии, которая — через неизбежные страдания людей — должна привести к очищению их душ. Миссия царя оказывалась как бы земным отражением миссии главы ангельского воинства.

* Некоторые исследователи считают Ивана IV автором тропаря Никите Переяславскому на покрове, вышитом царицей Анастасией на гробницу этого святого. Характер отношений царской семьи к мученику Никите делает это предположение очень вероятным.